

РЕЦЕНЗИИ. АННОТАЦИИ. СООБЩЕНИЯ

О. В. Кириченко

Рецензия на учебное пособие по истории и обществознанию для средней школы «Мозаика культур».

Авторы В. Шаповал, И. Уколова, О. Стрелова, С. Яловицына, М. Ерохина, И. Хромова, А. Цуциев, Ю. Кушнерева, Л. Гатагова М., 2005.

Под ред. А. П. Шевырева, Т. Н. Эйдельман. М., 2005 г.¹

Не вызывает сомнений то, что средняя школа сегодня остро нуждается в учебном пособии, посвященном теме этнического многообразия России, культурным контактам народов, населяющих ее, истории складывания традиций и религий в контексте опыта их плодотворных взаимодействий. Этот опыт как нельзя более отвечает потребностям нынешнего времени, нуждающегося в знаниях, свободных от идеологических клише. Авторы рецензируемого пособия ставят перед собой все эти задачи, и, судя по широте и объему выделенных тем, проработке текста, художественному его оформлению (иллюстрациям — фото, картина, схемам, статистическим таблицам), пособие претендует даже на научную трактовку и акцентировку важнейших узловых вопросов, связанных с этнокультурой, религией, этногенезом в России. Любое учебное пособие опирается на теории и материалы, научно проработанные большим кругом ученых и получившие одобрительную оценку широкой общественности. Неизвестно на какой научный потенциал опираются авторы пособия, и если учитывать, что задачи их весьма обширны, то приходится думать, что здесь проводятся идеи, которые а priori отрабатываются в рамках настоящего пособия, т. е. оно имеет характер «экспериментальной площадки», что естественно вызывает претензии.

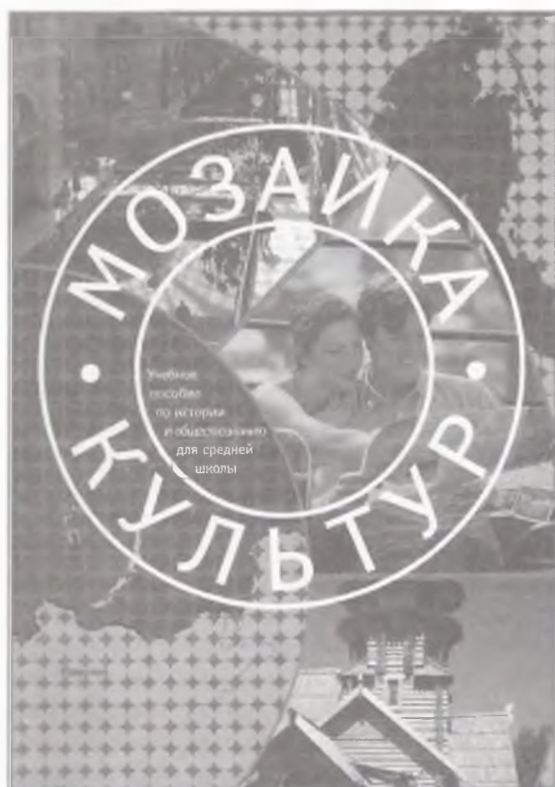
В теме 1 (начало содержательной части пособия) психологической доминантой становится фотография физика А. Энштейна с высунутым языком. Такой нарочито поддразнивающий жест, брошенный в лицо читателю в самом начале

книги, сразу указывает на весь последующий тон пособия — дерзкий и вызывающий. А ведь потом, на странице 268 будут излагаться «обязательные условия» межличностного диалога, и для него, по правильной мысли авторов, непременно нужна открытая, искренняя улыбка одного человека другому. Но там — в практической части пособия — озвучиваются условия для «учеников», а здесь — условия поведения для тех, кто считает себя «учителями» этичного поведения. Так почему же авторы начинают повествование не с широкой улыбки Ю.А. Гагарина, а с явно агрессивного (а в контексте приведенной цитаты Энштейна² — этнически агрессивного) жеста? Ставший знаменитым Энштейн, может позволить себе сказать, что он не немец и не француз, а — еврей, и показать язык своим обидчикам. А авторы, пользуясь случаем, — всем остальным. Конечно, авторы не берутся так трактовать этот сюжет фотографии, они ставят более отстраненные вопросы в задании к параграфу. Но и без лобовых вопросов читателю ясно, о чем идет речь. Этой технологией двойной морали пронизано все пособие, когда одна мораль существует для формального соблюдения приличий, а другая — для оптимально безопасного вывода нужного смысла на поверхность.

В 1-й теме также нет должной и грамотной проработки главного понятия книги — «национальность» (этничность), принципов его формирования в исторический период, зависимости его от религиозных и нравственных компонентов, идеалов любого народа, его культурной и государственной ориентации. Авторы приводят

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке фонда РГНФ, проект «Исследование тенденций развития религиозной традиции у русских в конце XX-XXI вв.» № 06-0100271 а.

² «Если моя теория относительности будет успешно доказана, Германия объявит меня немцем, а Франция — гражданином мира. Если же эта теория окажется ошибочной, Франция заявит, что я — немец, а Германия возвестит миру, что я — еврей» (А. Энштейн).

В. Шаповал, И. Углова,
О. Стрелова, С. Яловицына,
М. Ерохина, И. Хромова, А. Цуциев,
Ю. Кушнерова, Л. Гатагова

МОЗАИКА КУЛЬТУР

Учебное пособие
по истории и обществознанию
для средней школы

КООРДИНАТОРЫ

ЙОКЕ ВАН ДЕР ЛЕЕУВ-РООРД,
Нидерланды. Основатель
Европейского объединения
ассоциаций преподавателей
истории Евроклио. Сначала
президент, затем
исполнительный директор
секретариата Евроклио.

Координатор многочисленных образовательных проектов в Албании, Боснии-Герцеговине, Болгарии, Латвии, Македонии, России, Румынии, Сербии, Украине, Хорватии, Чехии, Эстонии. Эксперт Совета Европы по вопросам преподавания социальных дисциплин. Автор многочисленных статей по проблемам преподавания истории.

ХАЙБЕРТ КРАЙНС,
Нидерланды. Член
секретариата Евроклио.
Координатор
многочисленных проектов
Евроклио в Албании,
Болгарии, Латвии,
Македонии, России,
Украине, Эстонии. Автор

публикаций по военной истории и преподаванию истории.

АЛЕКСАНДР ШЕВЫРЕВ,
кандидат исторических
наук, доцент кафедры
истории России XIX —
начала XX в. исторического
факультета МГУ
им. М. В. Ломоносова.
Председатель правления
Межрегиональной

общественной организации «Объединение преподавателей истории». МОООПИ.
В 1997—2000 гг. — координатор международного образовательного проекта «Уроки Клио». Автор работ по истории русского флота, по истории русской столичной культуры, по вопросам современного исторического образования.

ТАМАРА ЭЙДЕЛЬМАН,
преподаватель истории
гимназии №1567 г. Москвы.
Член правления МОООПИ.
Заслуженный учитель
Российской Федерации.
В 1997—2000 гг. —
координатор

международного образовательного проекта «Уроки Клио». Автор публикаций по проблемам исторического образования.

мнения «одних» и «других», но не говорят, как сам народ как носитель этничности считает: кто он и откуда его этнические корни. Авторы отрабатывают идею отсутствия у человека четкой национальности и мысль, что национальность в ее твердом и определенном смысле является идеологическим продуктом, навязываемым государством, например, советским. Нормой же, по их мнению, является полиэтническое сознание (примеры 4-х русских писателей), наличие «двойной национальной принадлежности» (звучит как «двойного гражданства»). Высказывания русских писателей (Блока, Куприна, Гоголя, Пушкина) взяты вне системы их мировоззрения, и поэтому авторы берутся произвольно их комментировать, озвучивая декларируемую ими идею полезности поликультурности. А ведь А.С. Пушкин жил (в реальном творчестве и поступках) на 99 % мыслями и симпатиями русского человека (вспомним его ответ Чаадаеву) и только на 1 %, как представитель романтизма, отвлекался чувствами на существование далекой прародины в Африке. И такая позиция в большей или меньшей степени характерна для всех перечисленных писателей. О Блоке вообще сказано не авторскими словами, как сам он, может быть, о себе мыслил, а строчками из биографического словаря. Не нашлось даже тех малых отрывков, где бы поэт называл себя немцем. Авторы не говорят о цельности национального характера, скрывают то, что идентичность (кем я по совести, по вере, по Отечеству себя считаю) так переплавляла этническое прошлое, что человек не мог двойтаться и тройтаться, не мог «служить двум господам», и поэтому, хотя и был Даль во втором поколении датчанином, но он честно и искренне считал себя русским. Для него эта приобщенность к вполне определенной религиозной, нравственной, культурной и исторической традиции, за которой, конечно, стояла и физическая (и антропологическая) сила восточного славянства, не была узкой родоплеменной связью людей, а оказывалась максимально этнически широкой, позволявшей ему — представителю другого народа, государства, религии свободно влиться в нее, жить и творить внутри нее. В этой необыкновенной этнической открытости заключалась сила и величие русского народа, освоившего огромную территорию и сохранившего ее этническое многообразие. Даже авторы данного пособия, с их нарочито выраженным неприязненным отношением к русским, вынуждены признать, что лучшие чиновничьи силы российское правительство бросало на свои территориальные окраины. Авторы считают, как

следует из контекста их вопросов, что это происходило по глупости и недалекости правительства. Но в действительности это делалось для содействия долгосрочных дружеских межэтнических связей, для создания условий действительно толерантных межэтнических взаимодействий. И внутри России существовали условия (о чем свидетельствует пример с В.И. Далем и тысячи других примеров) для плавного перетекания одной этничности в другую, для искреннего служения стране, куда эти люди переехали на постоянное место жительства, где они завели свой дом, где вырастали их дети, где их защищало государство, где была своя самобытная история, которую нужно было знать и уважать. Но авторы пособия своей позицией поощряют в учающихся гражданский конформизм, защищая двойное гражданство, этническую двуличность, религиозную индифферентность и культурную всеядность. Создание гражданской нации без этнического корня — в этом они видят благо для России. Но политический союз граждан не имеющих, или забывших свои этнические корни, будет лишь предметом идеологических манипуляций каких угодно политических сил, потому что этим гражданам нечем будет измерять нравственную (и религиозную) высоту (ценность) проводимой политики, чтобы знать реальную цену политикам, ведь отказ от этничности подразумевает вычеркивание из памяти прошлого, со всей его традицией, культурой, нравственной и религиозной духовностью. Этничность — хранитель нравственности в социуме, поэтому отказ от этничности будет означать, что народ в России политики будут объединять только политико-правовыми и идеологическими средствами (манипуляциями). На это нас настраивает данное пособие.

Тема 1. «Клеймо инаковости» также интерпретируется очень тенденциозно — на примере венгерских цыган. А ведь речь идет в пособии о народах и соседях России. Сюда не включена ни одна из проблем, которые характерны (или были характерны) для России. Есть ли для какого-то народа такое клеймо или нет, авторы не пишут, уклоняясь от обсуждения этого вопроса. Почему возникает инаковость, как ее можно преодолеть, какие есть трудности на этом пути — ни один из этих вопросов не раскрывается.

В итоге, тема 1 не раскрыта и базовое понятие «национальность» с самого начала не получает четких характеристик, соотносимых с этническим самосознанием народа (этнуса), его духовными идеалами, что затруднит понимание и всех последующих вопросов.

Тема 2 «Контакты культур в повседневной жизни» проработана крайне слабо и бесцветно, что, наверное, не случайно. Ведь повседневность на самом деле может быть очень ярко представлена в картинах хозяйственного и культурного взаимодействия русского населения, селившегося на новых осваиваемых землях, с местным населением. Но авторы не приводят многочисленные примеры добрососедских отношений простого сельского населения, не упоминают миссионерских трудов русских монахов и их монастырей и т. д. Именно повседневная жизнь служит лучшим доказательством мирного и плодотворного сосуществования русской культуры и культур тех народов, с которыми русские были соседями. Нет упоминаний ни о ярмарках, ни о школах, больницах, обучении национальной аристократии в столичных учебных заведениях и т. д. В результате повседневность представлена весьма примитивно современными брачными объявлениями, несколькими образцами традиционных одежд и жилищ.

Тема 3 «Поликультурность в истории народов России» предполагает более широко обсудить тему межкультурного взаимодействия, уже не только на уровне повседневности, а на основе нескольких поликультурных моделей. Цель этой темы — показать межкультурные контакты в различные периоды истории России. Предполагается, что будет показан какой-то позитивный опыт. Но уже на примере первой модели — «старообрядцы—официальная власть» — мы видим: авторов интересуют примеры агрессивного общения культур, и отсюда они черпают уроки для выводов. Другие примеры также построены на принципе «табу — переступание запретов». Подобный механизм должен проиллюстрировать, по мысли авторов, путь прогресса, где консервативное (чаще всего религиозное) выступает как «табу» и тем самым как помеха культурному взаимодействию, а «нарушение запрета» — как выход на поле творческой поликультурности. Это звучит, например, в задании 14 к источнику 17. Поликультурные модели, по нашему мнению, предполагают, в первую очередь, анализ крупных и полярных образцов культурного взаимодействия, например: «Русь и Степь», «Русь и Византия», «Русь и финно-угорский мир», «Русь и Европа» и т. д. В этом случае учащиеся могли бы получить цельные знания, и поликультурность вписалась бы в реалии отечественной истории.

Важно и другое. Делая поликультурность единственным и непогрешимым источником культурного прогресса, авторы совсем забывают о монокультурности, очевидно, потому что не хотят

ее видеть. Но есть понятие самобытности народа, его таланта, особенностей, его «иконного», т. е. идеального образа (он есть у любого народа), и без этой самобытности, как основы для культурного своеобразия, не было бы и почвы для поликультурности. Каждый народ имеет в истории свое лицо, свой подвиг несения этничности, свой принцип организации этнической жизни, от которого зависят и окружающие народы. И в этой теме, несомненно, следовало бы коснуться феноменологических особенностей русского народа, от которого столь много зависело и зависит в России. Но у авторов пособия периодически близорукость сменяется дальнорукостью, и в данном случае они, видя российское государство и множество малых (по численности) народов, напрочь забывают о русском народе. Такой грубо тенденциозный подход авторов пособия, конечно, в корне перечеркивает все их попытки нарисовать объективную картину культурного взаимодействия.

2 блок. Тема 1 «Образ империи»

В данной теме, казалось бы, никак не обойтись без характеристики русского народа, входившего в число «200 больших и малых народов» России. Но и здесь мы этой характеристики не найдем. Есть статистика по «населению» России (XVI — начала XX вв.), есть карта территорий с этническими границами, есть другие этносы, но нет одного — русских. Такая избирательная этническая близорукость рассчитана на то, чтобы формировать у учащихся точку зрения, что русских вообще никогда и не было, а были лишь деспотичная российская власть и «российское население» неизвестного этнического происхождения. Между тем как важно подчеркнуть, что «российская власть» развивалась и действовала как власть, прежде всего, русского народа. В орбиту политической власти русского народа и попали самые разные народы, или не имеющие своей самостоятельной политической власти, или попавшие в область противостояния крупных империй. Эту мысль об отсутствии выбора у финнов и поляков в тех политических условиях авторы не проводят, как и ту, что весь мир тогда был поделен на имперские владения, Россия же, не имевшая колоний (!), практически защищала свои исконные территории от проникновения других империй (а не Польши, конечно). Но этого авторам показывать не было необходимости.

Тема 1. «Идеи и ценности империи» (с. 34—42). Все «ценности» империи раскрываются через 4 кратких документа, а вопросы по ним задаются

самые основательные и серьезные. Но даже из такого небольшого материала, имея доброжелательную позицию (и подобрав соответствующие вопросы), можно было получить некоторую положительную информацию. Например, анализируя слова автора «Поединка» А. Куприна не в контексте национального унижения (как настаивают в своем вопросе в задании 7 авторы), а, наоборот, как желание угодить всем и никого не обидеть. А ведь современные школьники без специального объяснения учителем тех реалий пойдут в своих толкованиях этого эпизода вслед за контекстом вопроса. То же касается источника 5, где анализируются тексты гимнов Российской империи разных веков. Для объективности следовало бы привести несколько турецких документов, где заявлялась бы турецкая (и мусульманская) религиозно-политическая позиция в эти годы, чтобы выяснить, кто придавал войне религиозный характер. А так гимн, составленный Г.Р. Державиным, будет для современных школьников теми же словами Римского папы Бенедикта VI, которые совсем недавно в мгновение ока ожесточили мусульманский мир и вызвали целую волну насилия. На эту ноту настраивают детей и авторы учебника, подчеркивая слова «Магомета ты потрес!». Смотрите, мол, какой у русских антимусульманский пафос (пусть и в прошлом), и этого совсем нет у британцев и австро-венгров. Разве это не подталкивание к межрелигиозной розни и вражде?! Опять же через технологию двойной морали, подбирая материал так, чтобы те, кому надо, увидели обращенное к ним.

Тема 1. «Отношение к империи» (с. 43) раскрывается через идею об отрицательном значении территориальных приобретений России, так как, следуя логике специально подобранных отрывков из источников, необходимо было прежде у себя порядок навести, а потом других завоевывать. Ученикам предлагается на выбор два образа русской империи: «Россия — тюрьма народов» и «Россия — страна идеальной гармонии и порядка». Разумеется, из двух карикатурных образов учащиеся выберут первый как более реальный. Между тем, как доказывал крупнейший специалист по истории России проф. В.А. Александров еще в начале 1990-х годов в своей публикации документов по истории национальных отношений в России и комментариях к ним, штамп «Россия — тюрьма

народов», характерный для советской исторической науки, не соответствует действительности³.

Необходимо указать еще на одну ошибку, которую допустили авторы в материалах к этой теме. В примечаниях к стихотворению Ф. Тютчева дана странная трактовка пророка Даниила, будто бы «провидевшего приход Царства Божьего на земле» (с. 43). В какой религиозной интерпретации рассматривается ими ветхозаветный пророк, авторы не пишут, хотя Ф. Тютчев писал стихи как православный поэт.

Блок 2. Тема 2. «Поволжье. XVI век».

Вызывает глубокую обеспокоенность то, как авторы пособия раскрывают эту тему, особенно в связи с историей завоевания Казанского ханства. Занимая последовательную позицию защитников Казани, авторы всеми возможными средствами (в том числе драматургическими) хотят вызвать симпатию к тем, кто был тогда побежден, и антипатию к победителям. Им интересно подогревать сепаратистские настроения у тех националистов в современном Татарстане, которые видят в далеких событиях XVI в. тему современного национального унижения татар. Но татары уже много веков как теснейшим образом влились в жизнь России, стали органичной ее частью, и будоражить их историческую память таким образом, значит провоцировать их на политическую активность в ущерб целостности России. Кроме того, авторы забывают о том, что Казанское ханство в XVI в. было источником политической нестабильности, отсюда постоянно совершались грабительские набеги с целью захвата и потом продажи рабов на рынки Востока, в гаремы и т.п. И сами казанские татары широко использовали рабский труд. При падении Казани было освобождено около 60 тысяч русских, находившихся здесь в рабстве⁴. Слава Богу, что это миновало. Но не миновало, очевидно, попытки вернуть это время. Об умелой драматургии авторов пособия мы уже упоминали. Это просматривается и в противопоставлении трагического колоритного образа Сююмбике и русской безымянной молодой девицы, которую молодец подговаривает пойти в Казань за богатством. Антиобразом выглядит картинка полкового знамени со Спасом Нерукотворным. Комментарии здесь отсутствуют, но весь текст, в который вплетена картинка с образом Христа, ее расположение — напротив татарской национальной героини

³ Александров В. А. Политика российского правительства по национальному вопросу (середина XVII — середина XVIII вв.) // Национальная политика в России. Кн. 1. М. Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1992.

⁴ Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991. С. 138.

ханши Сююмбике с сыном (смысловой контекст — образ Антибогородицы) — красноречиво говорят: «это злой Бог». Объективность же требует рядом с текстом и картиной с изображением Сююмбике поместить текст русских плачей, созданных народом в XIII — XV вв. Здесь и известная «Авдотья Рязаночка», и целая группа песен о пребывании русских девушек и женщин в татарской неволе. «Как за речкою, да за Дарьею, злы татарове Дуван дуванили...», — звучит начало песни «Мать встречает дочь в татарском плену»⁵. Трагическая и величественная поэма (хотя и небольшая по размеру) о людях, лишившихся всего, но сохранивших веру и благородство души. Вот конечные строки этой песни: «Ты беги, беги, мать, на святую Русь» — «Не поеду я на святую Русь, я с тобой, дитя, не расстануся».

Рабочий материал к теме подобран тенденциозно: вообще отсутствуют положительные примеры из жизни народов Поволжья до и после завоевания Казани. Фольклорный материал, собранный этнографами XIX в. в тех местах, где проходило войско Грозного царя (а народ не заставишь из века в век петь то, что противно его сердцу) указывает на то, что событие завоевания Казани и Казанского ханства Россией стало для коренных народов Поволжья (мордвы и чувашей) неким «моментом истины» в их истории. Начинается их политический и культурный расцвет. С этого времени здесь появляются города, основанные теми из числа мордвы, кто был добровольным проводником царскому войску. Их царь Иоанн жаловал иконами и «милостью царскою». «Мордва охотно селилась вместе с проводниками царскими», — передает источник. Так от имени одного из таких мордовских проводников Ардатки возник со временем город Ардатов. В воспоминаниях о походе на Казань, собранных П.И. Мельниковым (тогда еще не писателем Мельниковым-Печерским)⁶ в Нижегородском крае, зримо представлена тема освобождения мордвы от татарского ига и (что очень важно) последующей, положительной оценки ею этого события. Все сказания о походе сохранялись среди мордвы как их сокровенное национальное достояние, и передавались они из века в век. Поэтому неслучайным было то, что поволжское разноэтничное население добровольно влилось через столетия в антипольское войско князя Дмитрия Пожарского и пошло защищать интересы России. На этом пафосе и вырос

нынешний праздник «День единства» 4 ноября. Авторы же пособия заставляют учащихся татарской, мордовской, чувашской национальностей переживать те далекие события как исторические эпизоды, где Россия их унижала, ущемляла, использовала в своих целях (например, задание 30 на стр. 56). Какая положительная цель стоит за этим?

Тема 3 «Западные области XVIII –XIX вв.»

раскрывается также весьма умело через проверенную практику двойной морали. Здесь пришел черед и русских обидеться на своих соседей, т. к. авторы пособия высказали готовность показать их место и значение в этом регионе языком статистики. Проводится мысль, что власть в России работала не на русских, и, судя по финляндскому материалу, русским (т. е. простому народу) быть в России было просто не выгодно. Материал подобран, чтобы теперь уже подогреть антиправительственные (антицаристские) чувства и развеять иллюзии у русской аудитории. Приводя материалы документов по данному району России, авторы пособия специально обобщают ситуацию и говорят не о русских в западном крае, а о «русском населении империи» (задание 32, пункт 2), из-за чего создается иллюзия, что такая картина характерна для всей России. Польская модель отношения к русским и России также представлена глазами и интересами поляков. При этом забыто Смутное время XVII века, когда Польша вела себя по отношению к России куда более жестоко. Объективность требовала вспомнить положительные примеры активного участия России в образовательной, хозяйственной и культурной жизни Польши в XIX — начале XX в. На русские деньги там создавалась промышленность, строились и функционировали учебные заведения, осуществилось немало культурных проектов. Немало высшей польской аристократии честно служило России на политическом поприще. И от этого Польша укреплялась и развивалась.

Материал по Украине также подается с позиции интересов радикальных украинских националистов. Но ведь авторы представляют учебник для российских школ, и поэтому в нем должна быть отражена, по крайней мере, позиция таких великих историков, как С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов. В разделе, посвященном контактам евреев и Российской

⁵ Народные исторические песни. М.: Л., 1962. С. 62 — 65.

⁶ Власова З. И. Фольклор о Грозном у П. И. Мельникова и Н. К. Миролюбова // Фольклор и историческая действительность. Русский фольклор. Вып. XX. Л., Наука, 1981. С. 107—157.

власти, в еще более резкой форме, чем в предыдущих разделах представлен межэтнический конфликт русских и евреев. «Население» здесь пропадает, появляются «русские». Увы, в этом разделе, мы не встречаем примеров положительного участия евреев в жизни России, хотя таких примеров предостаточно и на этом следовало бы строить канву темы. Собран только негативный материал. А положительные примеры (но уже в другом контексте) частично приводятся авторами в других местах пособия, там, где им было нужно это для подтверждения общей своей концепции (с.206–208). Здесь же, в рамках темы межкультурного общения, брошено обвинение и российскому правительству и русскому народу (на это делают акцент источники 68 и 69) в том, что евреи подвергались дискриминации, унижению и актам сегрегации во время погромов. Но если такой острокритический материал подбирается, то необходимы обширные комментарии, дополнения, выслушивание точки зрения другой стороны, иначе у учеников сложится мнение, что и правительство, и русский народ (в его массе) — это какие-то звери, жаждущие крови другого народа только из-за его этнической и религиозной особенности. А ведь это не так. Тем более, как показало время революции 1917 г. и большевизма первых десятилетий советской власти, противоположных примеров можно привести гораздо больше, но никто ведь сегодня, в массе своей, из числа русского народа (ни политики, ни деятели культуры, науки и т.д.) не призывает рассчитаться с евреями в России за действия отдельных комиссаров еврейской национальности, не муссирует эту тему в школьных учебниках по истории. Это происходит по многим соображениям, но, прежде всего, по той причине, что обществу не нужны межэтнические столкновения, ведь по большому счету такие проблемы, канувшие в лету, являются делом совести любого народа, и пока народ какие-то прошлые вещи сам для себя по совести не решит, никто под давлением его к этому не принудит.

Тема 4 «Средняя Азия. XIX век»

По этой теме авторам мало удалось собрать негативного материала, характеризующего бессмысленность завоевания Средней Азии, и на помощь пришла идея «русской журналистики», а точнее профессиональной большевистской революционерки Ларисы Рейснер, состоящая в

том, что Россия принципиально по-иному, чем Великобритания, окультуривала свою колониальную провинцию. Россия не принесла туда цивилизацию-комфорт, а лишь создала там новый аппарат управления. Что, конечно, заставляет неискушенных читателей задуматься о бессмысленности этих территориальных приобретений и пролитой русской крови. Контрольный вопрос по итоговому заданию: «Кем русские были в Средней Азии — собратями или конкистадорами?» — не оставляет у учеников выбора. Уж, конечно, не собратями. Значит — конкистадорами. Между тем сколько обогатили бы учащихся знания о том, как трудами и сердечным участием многих русских ученых, писателей, политиков создавалась национальная культура в этом регионе. Например, какой замечательный пример можно привести о самой искренней дружбе Федора Михайловича Достоевского и Чокана Валиханова — классика и просветителя казахского народа, — который в свои юношеские годы сумел получить от Достоевского четкую программу действий на всю жизнь, а другой добрый и искренний русский друг — Семенов-Тянь-Шанский — помогал ему ее реализовывать.⁷ Вот цитата из письма Достоевского, которое приводит в своей книге М. М. Громыко, подробно разобравшая историю взаимоотношений Достоевского и Валиханова: «...не велика ли цель, не святое ли дело, быть чуть ли не первым из своих, который бы растолковал в России, что такое Степь, ее значение и ваш народ относительно России, и в тоже время служить своей родине, просвещенным ходатайством за нее у русских. Вспомните, что вы первый Киргиз, — образованный по-европейски вполне. Судьба же вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дав вам душу и сердце».⁸ Не о себе, не о Москве или Петербурге радеет страстный русский патриот Достоевский, а о Степи. И эти примеры можно было бы множить и множить.

С жителями Средней Азии нам жить и жить не только рядом, но бок о бок, учитывая возрастающие темпы миграции из этого региона сегодня. Так от какой точки отсчета авторы пособия предлагают нам сегодня вести диалог с южными соседями? А вот от какой: «Когда-то мы вас, как индейцев, отстреливали, а теперь давайте будем дружить». Но самое главное, что никаких российских конкистадоров в реальности не было: и народ, и культура Средней Азии Россией не уничтожались. Поэтому в очередной раз перед нами — клевета и желание «подразнить высунутым языком».

⁷ Громыко М. М. Сибирские знакомые и друзья Ф. М. Достоевского. Новосибирск, 1985.

⁸ Там же. С. 149.

Мысль о конкистадорах не была случайно обронена, а, как показывает следующая тема 3-го блока, она далее начинает активно разрабатываться в связи с разделом, посвященным освоению Сибири. В задании 42 (с. 128) так и сформулировано: «что общего и в чем различия в поведении и характерах переселенцев в Сибири и в Северной Америке?». Стоит, однако, заметить, что на этот раз авторы совсем не приводят статистики: сколько уничтожено индейцев переселенцами Северной Америки и уничтожен ли хотя бы один малочисленный коренной народ Сибири и Дальнего Востока. А ведь орочей, к примеру, было совсем не много по количеству. Тем не менее, они до сих пор живы. Но авторам пособия важно, чтобы была усвоена схема «первое есть второе», и тогда все деяния первых (переселенцев Северной Америки), прочитанные где-либо, обязательно будут потом вплетены в контекст российской истории.

История освоения Сибири и Дальнего Востока в XVII — XX вв. на сегодня изучена основательно. В 1960-е годы вышло академическое издание «История Сибири» в 5-ти томах с проработкой всех главных особенностей этого процесса⁹. Здесь указывается, что на государственно-правовом уровне последовательно проводилась защита интересов коренных народов-предшественников русского населения. Немаловажно то, что в результате государственно-национальной политики, которую поддерживало абсолютное большинство коренного населения, все малые и большие этносы (народы и группы) прошли путь от родоплеменного строя и языческой культуры к современным народностям и группам.¹⁰

4-й блок «Дороги и судьбы»

Тема 1 «Роль миграций в жизни человека»

В данной теме, чрезвычайно важной для любой страны и, конечно, России, очень важно найти исходное зерно, а именно — определиться с главной причиной миграции. А она заключается в каких-то серьезных неблагополучных обстоятельствах, из-за чего принимаются крайние меры — покинуть родину, чтобы выжить. Но этот вопрос даже не обсуждается, авторам важнее проиллюстрировать свою идею о полезности миграций для развития культур. На примере появления казаков авторы хотят показать модель этнического «плавильного котла»: от этих взяли помаленьку, от тех чуть-чуть, и вот новый этнос

готов. Напротив, немцы как мигранты в России служат для авторов пособия иллюстрацией другой мысли: о священности и неприкосновенности этнических традиций мигрантов внутри страны (России), т.к. здесь они несут культуру и цивилизацию (задание 15, с. 151). И для большего внимания к «неблагодарной стране», которой российские немцы несли цивилизацию, приводятся документы о депортации их в годы Отечественной войны 1941–1945 гг., что иллюстрирует и хронологическая таблица.

Тема 3 «Вынужденные и принудительные миграции»

посвящена чрезвычайно болезненному вопросу о депортациях отдельных народов при Сталине. На стр. 159 перечислены одиннадцать категорий (народов) депортированных. Все народы названы своими именами, кроме русских крестьян. Они называются, как и были в списках большевиков, «кулаками». Странно и то, что они названы депортированными, ведь многие из них попали в лагеря, были расстреляны, а это уже не депортация. Также отсутствует в этом списке та многомиллионная доля русских, которых увозили в лагеря и на расстрел по религиозному признаку — как активных православных людей. А это уже — сегрегация. Ведь вычищали всю страну. И ни слова об этом страшном наследии прошлого, с которым сейчас Россия живет во многом неосознанно и которое дети непременно должны помнить. Но авторы пособия, похоже, так не считают. Весь материал в этом блоке скомкан и перемешан: прошлое и современное. Итожит все биография «успешного мигранта» В. Познера, родители которого успели в 1922 г. уехать во Францию, потом в США, а потом — успели вернуться в Россию. Образец вынужденного и принудительного мигранта выступает, таким образом, эталоном поведения и политической чуткости для всего списка перечисленных и неперечисленных народов. В высшей степени безнравственно делать такие сравнения, но авторы пособия, следуя закону двойной морали, делают их без всякого стеснения.

5-й блок «Религиозная палитра России»

Тенденциозность в характеристике конфессий начинается уже с т. н. источника 2 (с. 171). Дается алфавитный список «религиозных объединений» России, но отсутствует соответствующая работа со списком, направленная на то, чтобы учащие-

⁹ История Сибири в 5-ти томах. Л., 1968–1969.

¹⁰ См. на эту тему ставший классическим труд Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.

ся могли понять реальную картину расстановки религиозных сил в стране. Значит, их сознательно дезориентируют в этом важнейшем вопросе и школьники не должны знать об исторической роли Православия и Русской Православной Церкви?

Источник 3 (данные лингвистов) содержит безграмотные суждения, где просто искажено исходное понимание представленных слов. Например, «опростоволоситься» сводится к архаичным языческим запретам, хотя выражение «опростоволоситься» появилось как следствие повседневной практики запрета христианкам находиться в храме с непокрытыми волосами, и замужние женщины-христианки в дореволюционной России считали для себя позором появиться на улице без платка. Также сугубо христианский и нравственный смысл имело слово «распоясаться». В данном случае, авторы пособия навязывают детям чей-то узкокабинетный и по мировоззрению языческий (архаичный) смысл, который отсутствовал в реальной жизни народа.

У учащихся формируется (судя по заданию 8) взгляд на религию как на культуру, чтобы можно говорить о ней как о внешне абстрактном явлении, не прибегая к аутентичному смыслу — к тому, что сама религия «говорит и думает» о себе. На основе кратких высказываний учащиеся подводятся к глобальному выводу: все религии равны, все говорят об одном и том же, но своими словами. Так за спиной религий решаются в сиюминутном разговоре важнейшие вопросы, которые сами представители религий еще не решили для себя. Атеистическая модель светски понимаемого экуменизма навязывается школьникам как единственная и истинная.

Тема 2 «Российское государство и верующие» посвящена не выявлению позитивных начал, а конфликтным ситуациям. Получается, по выборке авторов, что вообще не было позитивного процесса отношений государства и верующих в России за всю ее историю. И кроме старообрядцев, мусульман и евреев не было больше никого. А ведь было еще большинство православного русского, украинского, белорусского, мордовского, чувашского, удмурдского и т.д. населения, и была православная государственная власть, занимавшаяся государственным строительством на основе православно-христианских принципов. И монорелигиозная модель существовала несколько веков, прежде чем начались процессы включения в эту модель

дополнительных вариантов. Так продолжалось до 1917 г. Что было положительного у православной России? Это и стоило обсудить, ведь на базе Православия и была создана великая держава. Остальные религии в дореволюционное время лишь по доброй воле допускались легально существовать как часть этнической традиции того или иного народа, с тем условием, чтобы они не разрушали гражданский мир в стране. Но участие их в государственной (политической) жизни было минимальным. Государство всегда опирается на одну религию (или атеизм) в своей деятельности по той причине, что только религиозный моноцентризм (включая и атеистический вариант) позволяет решить проблему «власть—народ». Народу, как этносу, конкретная религия дает (благодаря религиозной нравственности) этническое лицо, а государству — политическую цельность и правовую легитимность, что является и для народа сверхценностью, позволяющей принимать государство как нечто близкое. Возвращение сегодня в российское общество открытого исповедования православия стало влиять и на государство, которое уже не может в связи с этим быть до конца атеистическим. На наших глазах вертикаль отношений «власть—народ» претерпевает изменения, но какая монорелигиозная модель победит в будущем, пока не ясно. Для авторов пособия, однако, такой преимущественной моделью является атеистическая, в ее нынешнем либеральном выражении, т.к. она уравнивает права всех религий и позволяет им преодолевать такие преграды, как показатели влияния (в том числе и исторические) той или иной церкви на народ и власть, сравнения числа верующих и т.д.

6-й блок «Город – единство непохожих»

Уже в названии блока априорно обозначена главная идея авторов, объясняющая возникновение городов. По их мнению, города возникали как центры, где собирались разные этносы, веры и социальные силы для торговой, политической и культурной деятельности. Многие европейские города так и возникли, но большинство городов в Руси-России появилось одновременно как политические и религиозные центры, а также и военные крепости, держащие политическую и религиозную границу России. Для большого числа городов первыми поселениями были монастыри и лишь потом — посады, и сам русский средневековый город строился из перспективы организации храмового пространства и имел определенную духовно-символическую

ориентацию¹¹. Храмы и монастыри, а не рыночные площади были центром жизни русского города. Не случайно все крупные межгородские ярмарки проводились возле монастырей и были приурочены к дням престольного праздника. Торг был избытком духовной жизни, а не наоборот. Вот почему устаревшие сегодня воззрения В.О. Ключевского, переоценивавшего географический фактор в возникновении древнерусских городов, следовало бы дополнить новыми данными.

Следует обратить внимание еще на один перекос, допускаемый авторами пособия при раскрытии городской темы. Контрастом ее выступает тема деревни, а точнее деревенских жителей — основного населения России. Им не уделяется такого внимания как горожанам, но зато они попали в поле зрения авторов пособия в связи с проблемой разрушения исконных городских традиций. Например, такой «важной традиции», как снятие обуви перед входом в дом (или квартиру). Крестьяне, перебравшиеся в город, снимали обувь, входя в дом, и тем внесли сумятицу в умы горожан, так что люди постепенно забыли, как правильно: снимать обувь, когда приходишь с улицы в дом, или нет. С полной серьезностью авторы обсуждают эту тему, потому что эта «капля в море» должна указывать на крестьян как на малокультурную, дремуче отсталую часть населения. Здесь все поставлено с ног на голову. Ведь именно город негативно влиял на нравственность тех крестьян-отходников (особенно, начиная со второй половины XIX в.), которые стали активно посещать Москву и Петербург в пореформенное время. Немало документальных свидетельств того, что именно на них опирались на селе т. н. кулаки-миroeды, когда переставали считаться с миром, мнением стариков на сходках и искали своей выгоды при вынесении коллективных решений. То, что деревня, как уникальное, положительное явление, выпала из тематического плана авторов пособия, следует понимать однозначно: положительные примеры из жизни русского народа авторам просто не нужны. Ведь тогда бы пришлось говорить о глубоко самобытной и интересной материальной культуре русского села, о праздниках, фольклоре, об уникальном мировоззрении. Но русская деревня, переселившаяся в город останется в умах школьников, после знакомства с пособием, лишь разрушителем традиционной городской культуры. Считаю, что навязывание искаженного взгляда на культуру русских крестьян, исключение ее из специального подробного

рассмотрения (а ведь на эту тему есть серьезные работы, проводится авторами вполне сознательно и преследует цель бросить тень на культурную самобытность основной части русских).

Грубая тенденциозность просматривается даже в подборе лиц, сделавших карьеру при Петре I (с. 206 — 208). Назван один русский — фельдмаршал князь А. Д. Меншиков, но и в его адрес допущены слова: «неграмотный», «ловко скрывал», «злоупотреблял», «наживался», и пропущены очень важные: «талантливейший администратор», «прекрасный и храбрый военачальник», «крупнейший политик», «владелец крупнейшей библиотеки в России», «деятель культуры и образования», — как отмечал в письме к нему сам Исаак Ньютон. «Конец — делу венец», — говорит русская пословица, поэтому следует добавить, что А.Д. Меншиков провел последние годы в глубоком христианском покаянии в Березове, выстроил там своими руками церковь, много рассказывал тамошним крестьянам из житий святых, из текстов Евангелия, т.е. был духовно образованным человеком и умер в примирении с Богом. А сколько других примеров из числа русских, сделавших при Петре успешную карьеру, не вошло в список! Еще один вопиющий пример информационной войны недобросовестных исследователей и педагогов.

7 блок «Конфликты и их разрешение»

Тема 1 начинается с анкеты, где ученики призываются написать (чем не методика сталинского времени): «Кто именно проявлял предубеждения или враждебность» (и дается список). Так дети становятся участниками большого политического эксперимента под названием «Донеси на ксенофоба, хотя бы анонимно». Разве цель учебного пособия — выявление инакомыслящих? Этническая агрессивность, которая с первых страниц наполняет эту книгу, выплеснулась наружу уже и в такой неприглядной форме. Какова педагогическая или учебная цель подобной акции, какие задачи она может решить, если в основе ее лежит безнравственный акт? Не имея возможности предложить реальные пути воспитания культуры поведения по отношению к другим народам, религиям, традициям, авторы пособия становятся на путь аморального поведения ради достижения «благой» цели.

Вопрос о субъекте ответственности требует еще основательного обсуждения в обществе и на государственном уровне, прежде чем начинать со школ

¹¹ Кудрявцев М.П. Москва-Третий Рим. М., 1994.

и вузов выявлять и искоренять межнациональный «язык вражды». Вопрос о коллективной этнической виновности нельзя так просто сбросить со счетов, если этот механизм в жизни реально работает и по большому счету должен работать. Разве многие совестливые и честные немцы после Второй мировой войны не говорили о личном стыде за фашистские злодеяния в Германии? Они что же не были народом? Или народом были только фашистские главари, представшие перед Нюрнбергским трибуналом? Эта ответственность не указывает на то, что этот народ плохой и его нужно травить и унижать, как не может быть оценен и любой человек за один или два своих поступка. Там, где дело касается судеб других народов, там и ставится вопрос о такой ответственности. Но не для того, чтобы другим вынести приговор и привести его в исполнение. Ответственность народа носит не правовой (народ же нельзя судить), а нравственный характер. Народ судит, прежде всего, себя сам, в этом его право и долг перед остальными. Вынесение суда отдельным своим представителям также имеет моральный характер, но преступники должны знать, что они позорят не только себя, но и свой народ. В этом контексте и стоит говорить о выполнении тем или иным народом своих нравственных обязанностей по отношению к своим собратьям по крови и вере и по отношению к другим народам. Преступники имеют национальность и религию, а уход от этой темы в жестко правовое поле «только граждан», как предлагают авторы пособия, делает их атомами, подчиненными только закону силы, людьми, у которых морально развязаны руки и которых способна остановить только вооруженная сила государства. Практика национальной безответственности будет генерировать все больше и больше таких людей, для которых единственным ограничителем их этнической распоясанности являются силовые акции государства. В вопросе преодоления этноконфликтов мы не должны ограничиваться заучиванием должных и недолжных действий. Суть преодоления этой болезни состоит в духовно-аскетическом воспитании человека, когда религиозно понимаемое добро пестуется религиозными и нравственными средствами, хранится всеми как общее достояние, не чуждое и государству.

Наши выводы и рекомендации

Учебное пособие, имеющее цель учить детей этнической и религиозной терпимости, не может быть построено на жестком этноцентризме, когда одна нация выступает в роли угнетаемой, а дру-

гая описывается в негативных тонах как нация-угнетатель. В данном случае — негатив и агрессия поставлены в центр авторской концепции построения книги. Нет никаких декларативных заявок о «великодержавном русском шовинизме», но подбор материала в пособии указывает на это: показана бессмысленность имперских завоеваний, подчеркиваются страдания народов, соприкасающихся с русскими, постоянно идет игра на национальных чувствах. Найден такой сюжет и для русских: на примере опекаемых финнов и поляков показано «антинародное» лицо российского правительства. Замалчиваются важнейшие эпизоды и факты российской истории, в то время как выпячиваются второстепенные для того, чтобы подчеркнуть определенные идейные приоритеты. Так, в теме о вынужденных миграциях нет ничего о многомиллионной депортации русского крестьянства, о сегрегации в отношении русского православного населения России из самых разных социальных слоев. Есть тема «города», хотя и представленная однобоко и искаженно, но нет темы «села» и сельской культуры и вообще сословной культуры. Русская Православная Церковь сделала и делает немало для предотвращения разного рода конфликтов, но эта сторона ее деятельности не интересует авторов, им важнее привести нас к мысли, что все религии равны, у всех, по сути, одинаковые праздники и для мирного диалога необходимо, чтобы школьники хорошо знали культурную специфику каждой религии, относясь к каждой, как к культурному явлению.

Стоит сказать и о форме поданного материала. Наличие документов, карт, редких особым образом подобранных иллюстраций позволяют сделать текст пособия внешне убедительным. Специалист-профессионал не может не знать, что любой документальный источник может быть предметом манипуляций и спекуляций, если его разделить, вырвать из контекста, подать вне круга других документов. Авторы пособия это и делают. Тенденциозен подбор документов, не даны правильные оценки контекста каждого документа, вопросы, как правило, лишь прикрывают информационную значимость источника. У неискушенного в научных разработках читателя при чтении пособия может создаться иллюзия, что за коллективным авторским текстом и небольшим корпусом документов стоят основательно проработанные научные концепции и фундаментальные труды. Но это не так. Проигнорированы важнейшие труды по истории России, в том числе и исторические источники, раскрывающие темы межполитических, межнациональных,

межкультурных, межхозяйственных отношений разных народов внутри России с позиций позитивного взаимодействия.

Чтобы скрыть свои истинные цели, авторы пособия постоянно демонстрируют умение пользоваться оружием «двойной морали», когда дежурные слова о лояльности, нужные для внешнего соблюдения правил политкорректности, лишь прикрывают идеи вражды и разрушения межнационального мира.

Авторы на словах говорят о борьбе с ксенофобией, разного рода предубеждениями, но на деле создают книгу, где народы, культуры, религии постоянно друг с другом конфликтуют. Когда же дело доходит до темы диалога и путей разрешения конфликтов, единственное на что могут опереться составители пособия — это предложить школьникам затвердить несколько хрестоматийных истин и написать анкету-донос на тех, кто страдает предубеждениями. Иного и не могло быть. Если весь предыдущий текст пособия посвящен теме исследования негативных явлений в межнациональных отношениях русского и других народов России и ближнего

зарубежья, то что серьезного могут предложить его авторы в качестве приоритетов национального воспитания? Фундамент пособия не только не надежен, он и опасен, так как рассчитан не на дружбу и взаимопонимание народов России, а на воспитание у русских чувства вины за свое прошлое, а у других народов — на высокомерное отношение к русским.

Наше глубокое убеждение: учебное пособие «Мозаика культур» не может быть допущено для внедрения в программу российских школ, прежде всего, по причине его негуманности, разжигания в нем чувств национальной розни, из-за искажения реальной картины истории России и народов, ее населяющих. Провоцируя агрессию у разных этносов по отношению к русским, книга затрагивает интересы национальной безопасности страны и не может служить делу воспитания терпимости и этнического взаимопонимания, как это декларируется авторами.

*Старший научный сотрудник ИЭА РАН,
кандидат исторических наук
О. В. Кириченко*

